

В цепях разочарований: современные тренды эмоциональных трансформаций в украинском обществе

Аннотация

В статье исследуется роль эмоциональной составляющей в ходе социальных трансформаций украинского общества. Эмоциональный фон общественной жизни рассматривается как имеющий свою логику развертывания, воплощенную в последовательных преобразованиях типичных “цепочек эмоций”. Отправной точкой исследования стали преобразования “цепочек эмоций” во время Революции Достоинства 2014 года. Это открыло возможности для анализа специфических трендов эмоциональных трансформаций во времени, поскольку момент “пиковых переживаний” оказывает пролонгированное влияние. Мониторинг эмоциональных трансформаций осуществлен путем сочетания качественного и количественного подходов. Использованы материалы 6 фокус-групп и 4 глубинных интервью, проведенных в декабре 2013 года непосредственно с участниками протестов на Майдане; материалы 60 фокус-групповых дискуссий, проведенных в апреле — июле 2015 года с теми, кто не принимал непосредственного участия в событиях на Майдане; материалы 21 фокус-групповой дискуссии, которые проводились в марте — апреле 2017 года; материалы репрезентативного всеукраинского опроса населения, проведенного в рамках мониторинга Института социологии НАНУ в июне — июле 2017 года. В результате анализа было выделено 3 группы трендов эмоциональных трансформаций: мобилизирующие, потенциально активизирующие и блокирующие активность. Количественное исследование позволило оценить распространенность зафиксированных “цепочек эмоций”. Самой распространенной оказалась группа трендов, блокирующих активность, мобилизирующие тренды актуализированы слабее, что минимизирует угрозу массового превращения состояния напряженности в действия в актуальной общественной ситуации.

Ключевые слова: цепочки эмоций, тренды эмоциональных трансформаций, социально-психологическая атмосфера, социальная напряженность, Майдан

Нобелевский лауреат по экономике этого года Ричард Талер начинает свое известное эссе “От Homo economicus к Homo sapiens” с факторов, которые будут задавать направленность его рассуждений. И первым он называет оптимизм, определяемый как принятие желаемого за действительное. По мнению Талера, Homo economicus постепенно будет терять слишком высокий IQ, которым его пока еще наделяют экономисты, и им придется прибегнуть к изучению и учету влияния переживаний на поведение [Талер, 2014]. Такой пересмотр отношения к разнообразным Homo, сконструированным представителями разных наук, характерен для современного научного дискурса. Эмоциональная составляющая, которую ранее исследовали преимущественно психологи [Izard, 2010], в последние годы привлекает все большее внимание философов [Griffiths, 2003], социальных психологов [Кутковой, 2014], социологов [Jasper, 2011]. Эти изменения являются наглядным свидетельством утраты когнитивистской парадигмой доминирующих позиций при конструировании образов Homo и превращения ее в парадигму когнитивно-эмоциональную.

Это в значительной мере усложняет само исследовательское пространство, связанное как с многокомпонентной природой самих эмоций [Izard, 2010], так и с неотъемлемостью эмоционального компонента от любой жизненной ситуации. При этом даже одни и те же ситуации могут исследовать представители той же науки под разными углами зрения. Уже упомянутые выше экономисты, исследуя процесс принятия решения, обращают внимание на эмоции (в основном отрицательные), которые могут возникнуть в будущем, но в момент решения отсутствуют [Loomes, Sugden, 1982]. В то же время они пытаются расширить исследования эмоциональной составляющей принятия решений, учитывая психологические подходы, которые концентрируются преимущественно на исследовании эмоций, непосредственно сопровождающих принятие решений [Loewenstein, 2000].

Обращение к социологическим работам показывает, что со времен Дюркгейма мы имеем стремительное накопление знаний в этой области. Для теоретиков XIX — начала XX веков эмоции и чувства имеют собственную объяснительную ценность и рассматриваются как важный фактор социальных отношений. Не случайно психология толпы была в свое время едва ли не первым направлением социально-психологических исследований. Позже акцент переместился на рациональную сторону поведения. Например, анализ содержания политологических журналов Великобритании и США, в которых категории “настроения”, “эмоции”, “эмоциональная/психологическая/социальная атмосфера/климат” упоминались вместе со словами “общество”, “нация” или “страна”, показал, что доля таких статей в течение всего XX века колеблется в пределах 1–3%. Вместе с тем на каждую статью с упоминанием настроений или эмоций приходилось около 20 статей, в которых использовались исключительно институциональный или рациональный подходы [Урнов, 2007]. Однако в конечном счете даже приверженцы теории рационального выбора были вынуждены признать, что множество поведенческих аномалий, с которыми они сталкиваются в исследованиях, не могут быть объяснены без учета действия эмоций [Emotions and Social Movements, 2005]. Ситуация в дискурсе рациональности-эмоциональности стала меняться под влиянием “культурного поворота”, открывшего концептуальное пространство для признания эмоций важным компо-

нением в развертывании общественных движений [Goodwin, Jasper, Polletta, 2000]. Произошло “возвращение одиночества” в теорию социальных движений, где активизировались дебаты между постмодерными критиками концепции унитарного одиночества и защитниками личности от подобной критики [Flax, 1993]. В ходе этих дискуссий сформировалось видение эмоций как феномена, зарождающегося на пересечении внутренних побуждений и внешних толчков или ограничений [Wiley, 1994]. Появились эмпирические исследования эмоционального компонента в процессе социальной самоорганизации гражданской активности, показавшие сложную эмоциональную динамику коллективных действий, в развертывании которых и активисты движения, и их оппоненты используют эмоции для формирования желаемого результата: первые стараются усилить эмоциональную солидарность и чувство коллективной идентичности, вторые пытаются посеять страх как сдерживающий фактор коллективных действий [Yang, 2007].

Исследование социологии эмоций выделено сегодня в специальное направление в Европейской социологической ассоциации и представлено исследовательским комитетом “Чувства и общество” в Международной социологической ассоциации. Концептуальные основы социологических исследований прежде всего опираются на признание эмоций неотъемлемой составляющей деятельности как индивида, так и группы. Именно они делают социальные структуры и системы культурных содержаний жизнеспособными, с ними связаны не только отдельные социальные действия, но и формирование социальных структур [Handbook of the sociology of emotions, 2005]. Эмоция рассматривается как необходимое связующее звено между социальной структурой и социальным актором, без нее описание действия считается фрагментарным и неполным [Barbalet, 1999]. При этом социальное действие включает как непосредственное осуществление социальных ролей, так и стратегическое поведение, когда индивид управляет впечатлениями других, в частности собственными и чужими эмоциями [Yang, 2007]. В целом личность в социальном контексте теряет кажущуюся простоту рационального исполнителя социальных ролей, возникает и успешно реализуется запрос на другую модель, в которой субъект рационального действия рассматривается сквозь призму действия эмоционального, главная функция которого нацелена на “преодоление неопределенности будущего” [Barbalet, 1999: p. 49].

Количество социологических концепций относительно эмоций вряд ли уступает количеству концептуализаций таких традиционных предметов социологического теоретизирования, как социальная структура или социальное взаимодействие. Их структурируют по нескольким направлениям, в каждом из которых не одна теория. В частности выделяют драматургические и культурные теории, теории социального обмена, структурные теории, которые делятся на теории стратификации и теории власти и статуса, теории символического интеракционизма, эволюционистские теории [Симонова, 2012].

Не менее насыщенным выглядит и само исследовательское пространство. К примеру, для обсуждения на очередной, уже 7-й конференции, посвященной социологии эмоций, которую в 2016 году проводила Европейская социологическая ассоциация, были предложены теоретические основания исследования эмоций, в частности инновационные теории эмоций, а также теории, демонстрирующие, как эмоции могут быть интегрированы в социальное теоретизирование в целом. Внимание участников концентриро-

валась на темах соотношения аффектов и эмоций, перспективах введения концепта эмоций в теорию практик, поиске взаимосвязей между эмоциями, нравственностью и нормативностью, в том числе в контексте групповой динамики. Предлагалось осмыслить возможности дискурс-теории в исследовании эмоций. Отдельным важным направлением обсуждения были проблемы методологии исследования эмоций, в частности поиска ответов на вопрос, как фиксировать эмоции в процессе исследований и анализировать полученные эмпирические данные [Call for Papers, 2016].

Вместе с тем можно констатировать, что проблематика, связанная с исследованием роли эмоциональной составляющей как части общественных преобразований, остается весьма слабо разработанной в отечественной социологии, где внимание исследователей концентрируется в основном на феномене счастья [Паниотто, 2017]. Несмотря на масштабность и эмоциональную насыщенность социальных трансформаций имеем скорее единичные попытки теоретически осмыслить и эмпирически выявить роль эмоциональной составляющей данного процесса. Интересное и многообещающее исследование эмоций Майдана 2004 года, которое, к сожалению, не было продолжено на Майдане 2014-го, до сих пор остается чуть ли не единственным весомым вкладом в этой сфере [Найдынова, 2005]. Характерно, что российские исследователи, которые практически не имеют необходимых исследовательских площадок, развивают эту тему едва ли не активнее, чем украинские [Тихомирова, 2011].

Поскольку современная Украина является практически живым исследовательским пространством, где эмоции индивидуального и коллективного субъектов активно сопровождают участие населения в процессе социальных изменений, перспективным предметом исследования является, по моему мнению, динамика эмоциональных трансформаций в периоды стремительных социальных сдвигов. Я разделяю мнение Т.Гарра, который, развивая концепцию относительной депривации, вводит в качестве основного мотиватора протестной активности чувственный компонент и подчеркивает, что первый шаг анализа заключается в том, чтобы понять, на что обижены люди и где истоки их обид [Гарр, 2005: с. 32]. Соответственно цель предлагаемой статьи — показать возможности, которые дает обращение к эмоциональной составляющей, в процессе общего анализа социальной ситуации в стране.

Теоретическим основанием выбрана теория ритуала интеракции Р.Коллинза, в которой главный акцент смещается с внутренних процессов, разворачивающихся в личности, на то, как они порождаются ситуациями и порождают их. Согласно Коллинзу, в фокусе исследователя должны быть “не люди и их страсти, а страсти и их люди” [Коллинз, 2004].

Центральный механизм теории ритуала интеракции заключается в том, что обстоятельства, в которых сочетаются высокая степень интерсубъективности и эмоциональной включенности, порождают чувство общности, связанное с когнитивными символами, и наделяют эмоциональной энергией отдельных участников, заставляя их ощущать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают морально приемлемым. Точка возгорания конфликтов, те события, которые полагают начало открытой борьбе, почти всегда вырастают из преобладания символов и социальных настроений, которые они воплощают.

Значит, эмоция существует не просто как “внутреннее состояние индивидов”, а “во взаимодействиях между индивидами и ... между индивидами и их социальными ситуациями”, а ситуацию, в которой переживается эмоция, “можно концептуализировать как аспект самой эмоции” [Barbalet, 1999: р. 67, 80]. Однако ухватить само состояние переживания довольно сложно. Дело даже не в том, что социологи не могут уловить состояние как таковое. В массовых опросах можно успешно применять, например, шкалу социальной тревожности Спилберга. Однако ключевой методический вопрос — что с этим знанием делать? Скажем, анализ данных мониторинга Института социологии НАНУ показывает, что уровень тревожности у населения остается высоким фактически в течение всех последних 25 лет. Но на фоне этого состояния наблюдаются и апатия, и всплески активности, то есть фактически знание об эмоциональных состояниях как таковых не выводит на практики. Точнее, одни и те же состояния порождают различные практики. Мы видим, безусловно, что чем хуже материальное положение, тем выше тревожность, а адаптированность — хуже. Но сам материал не позволяет нам продвинуться дальше в сторону реальных практик, порожденных аффектом.

Проблема не в том, как в социальном плане объяснить то, что происходит. Объяснить высокую тревожность — не проблема, объяснить всплески отдельных чувств, в том числе патриотизма, — тоже не проблема. Объяснить резкое распространение отдельных социальных практик, и в целом наличие любых социальных практик тоже несложно для социологов благодаря привлечению социальных переменных. Но фактически мы не объясняем, а констатируем, что какие-то практики или какие-то чувства сильнее выражены или более распространены среди некоторых социальных групп. И затем делаем вывод о том, что это является определенным отражением социального контекста. Однако сам этот контекст одновременно создается не только как отражение внешних изменений, но и как функция внутреннего переживания. Поэтому не случайно социология эмоций наиболее успешна в реальном полевом исследовании поведения людей в экстраординарных условиях, где практически отсутствует разрыв между переживаниями и действиями.

Ситуация усложняется тем, что сам феномен эмоций не является исчерпывающе концептуализированным [Barrett, 2007]. Различение эмоций, чувств, настроений, эмоциональных процессов, эмоциональных состояний не очень четкое. Например, счастье относят и к основным эмоциям, и к чувствам, и к состояниям. Переживания также трудно отделить одно от другого, например радость определяют как одну из основных положительных эмоций, внутреннее чувство удовлетворения и счастья. Дополнительные трудности создает то, что эмоции постоянно взаимодействуют между собой, образуя разнообразные комплексы переживаний. Для концептуализации этого феномена Джаспер предложил даже специальное понятие “моральная батарея” [Jasper, 1997]. Вместе с тем исследования эмоциональных трансформаций в социологическом контексте подтверждают, что эмоции не трансформируются произвольно, в частности Уильямсон исследовала “цепочки эмоций”, свидетельствующие об определенных закономерностях в преобразованиях “моральных батарей” [Williamson, 2011].

Отдельным “отягощающим обстоятельством” является то, что, изучая эмоциональные влияния, социолог всегда работает не с реальным переживанием, а только с рефлексией в отношении их. Это создает проблемы пре-

жде всего для количественных исследований, где это фактически приводит к нивелированию эмоциональной составляющей [Злобина, 2016а]. Социологический анализ эмоциональной составляющей в качественных исследованиях обычно касается ее влияния на совместные действия, для чего, как правило, выбираются специфические кейсы, в частности разнообразные выступления на площадях, имеющие довольно широкую географию — от Тяньаньменя до Тахира или украинских Майданов.

Одной из причин игнорирования эмоций в изучении социальных движений оказывается то, что эмоции слишком быстротечны и плохо поддаются непосредственной фиксации во время событий. Как правило, основным источником анализа данных становятся нарративы, которые оставляют участники движения. Но эти рассказы создаются обычно постфактум, и они не всегда адекватно воспроизводят подвижную динамику эмоций. В определенной мере это ограничение можно обойти, фиксируя оценки и переживания участников событий в тот момент, когда они еще происходят. Во время Майдана Достоинства было проведено несколько исследований как количественного, так и качественного характера. В частности, с 9 по 12 декабря 2013 года на Майдане было проведено 6 фокус-групп и 4 глубинных интервью¹. В ходе анализа полученных данных была предпринята попытка показать, как именно ожидание изменений приводит к эмоциональному взрыву масс и как происходит превращение эмоциональной энергии в социальные действия [Злобина, 2014]. В частности, удалось выяснить основные обоснования выхода на Майдан, опиравшиеся на эмоциональные переживания и неудовлетворенность властью в целом. Оказалось, что обоснование неудовлетворенности могло быть разным, однако общим оставалось ощущение несогласия с существующим положением вещей.

Мера неудовлетворенности оказалась столь высокой, что была разрушена грань контроля над внутренними эмоциональными состояниями, нивелировано сдерживающее действие терпения, на которое очень долго опирались как на характерную черту украинцев, поддерживающую общественный порядок. Метафоры “взрыва” и “переполненной чаши” оказались типичными и воспроизводимыми во всех фокус-группах. Ситуация не воспринималась участниками событий дискретно. Произошло ее совмещение с предыдущим опытом, что стало причиной эмоционального взрыва. Наиболее типичным переживанием, которое побуждало людей к выходу, было негодование, а основу протестного потенциала участников событий составляло стремление защитить собственное достоинство, собственные ожидания улучшений в будущем [Злобина, 2014].

Исходя из предположения о том, что эмоциональный фон общественной жизни не является совокупностью дискретных образований, а имеет свою логику развертывания, которая воплощается в совокупности различных “цепочек эмоций”, исследователь всегда сталкивается с вопросом, как отметить отправную точку исследования, которая может стать “началом цепи”. Под этим углом зрения украинский Майдан предоставляет уникальную возможность

---

¹ Целевая аудитория фокус-групп — активные участники событий (приезжие, которые на момент исследования находились на Майдане постоянно, киевляне, которые находились на Майдане днем, но ночевать возвращались домой). По две группы в возрастных категориях молодежь до 25, средний возраст — 25–50, старший возраст.

проанализировать специфические тренды эмоциональных трансформаций во времени, поскольку он является временем “пиковых переживаний”, достаточно долго сохраняющихся в коллективной памяти. События, происходившие на Майдане, стали причиной не только эмоционального взрыва, энергию которого продуцировали непосредственные участники. Сама эта ситуация продолжительного напряженного противостояния определила эмоциональный фон для населения страны в целом. Каждый так или иначе попал в орбиту эмоциональных противостояний, что в итоге изменило энергетику как каждого отдельного человека, так и общества в целом.

Чтобы выяснить, что именно происходило с социально-психологической атмосферой и выявить связь между эмоциональными оценками ситуации и последующими настроениями относительно тех или иных поведенческих реакций в кризисных ситуациях, на первом этапе исследования была предложена процедура сравнения социальных настроений, “обрамлявших” события Майдана. Респондентами выступали участники 60 фокус-групповых дискуссий, которые не принимали непосредственного участия в событиях на Майдане¹.

В начале дискуссии им предлагали записать на специальных бланках 3 самые главные, по их мнению, характеристики психологической атмосферы в стране, распространенные в обществе “до” Майдана, “во время” Майдана и “после” Майдана. Затем эти предварительные оценки участников сравнивались с теми эмоциональными реакциями, которые они продуцировали в ходе фокус-групповой дискуссии по поводу состояния дел в стране и их ожиданий относительно будущего.

Решение взять за точку сравнения Майдан как ситуацию, порождающую мощно эмоционально заряженное отношение, было принято, исходя из выбранной нами теоретической перспективы. Но это вызвало определенные опасения, ведь мы обращались только к наблюдателям, а не к непосредственным участникам событий. Тем не менее оказалось, что ситуация с точки зрения респондентов представляла не только эмоционально нагруженной, но и четко увязывалась с конкретными эмоциональными переживаниями. Ключевым переживанием, которое респонденты фиксировали “во время Майдана”, была надежда в сочетании с ожиданием позитивных изменений. Фактически в этой точке переживания всех респондентов преимущественно совпадали. Но оказалось, что они довольно сильно различались оценками “до” и “после”.

Для структуризации полученного массива свободно продуцируемых ассоциаций применялась классификация эмоций Кемпера, который предложил использовать критерии “темпоральности” и “интегративности”. По критерию “темпоральности” эмоциональные состояния делятся на три группы: ориентированные на прошлое (ностальгия, тоска, депрессия и др.), на настоящее (гнев, страх, удивление и др.) и на будущее (доверие, тревога и др.). По способности объединять или разъединять людей выделяются группы

---

¹ Материалы для научного анализа предоставлены исследовательским агентством Umbrella Research. ФГД проводились во всех регионах страны в апреле — июле 2015 года. В каждой ФГД было по 8 участников, мужчины/женщины (50/50), возраст 35–55 лет, доход средний.

интегративных (любящность, гордость, любовь и т.п.) и дифференцирующих (страх, гнев, презрение, зависть и т.п.) эмоций [Kemper, 1978].

Сначала формировалась общая картина настроений, потом из нее выделялись (по частоте упоминания) наиболее типичные переживания. Оказалось, например, что в оценке ситуаций “после Майдана” наиболее распространенной ориентацией на прошлое стало разочарование, на настоящее — страх, на будущее — надежда. Среди интегративных чувств чаще всего упоминался патриотизм, а среди дифференцирующих — страх. Используя классификацию Келермана–Плутчика [Emotion: Theory, research, and experience, 1980], можно констатировать, что в целом эмоциональная палитра была наполнена переживаниями среднего уровня интенсивности и центрировалась вокруг оси надежды — разочарования.

Главной задачей исследования было выявление трендов эмоциональных трансформаций, которые фактически образуют эмоциональные цепочки. Был применен метод моделирования в следующих координатах: направление трансформации (негатив/позитив); ключевая оценка Майдана; ключевое переживание; тип реагирования — активный/пассивный. Анализ трансформаций эмоциональных состояний позволил смоделировать ряд возможных трансформаций поведенческих диспозиций в отношении реагирования на современную ситуацию в стране с учетом влияния на них именно эмоционального компонента.

Всего было выделено 8 моделей, три из которых представляли активный тип реагирования, остальные — пассивный.

Группу мобилизационных трендов образовали поведенческие готовности, обозначенные как модель *негативно-позитивного*, *негативно-негативного* и модель *позитивно-негативного* отношения.

Негативно-негативное отношение выражалось “до” Майдана в активном неприятии ситуации, которое воплощалось в “недоверии к власти”, “стремлении к справедливости” и т.п. Но поскольку надежды и положительные ожидания, возникшие “во время” Майдана, не оправдались, эмоциональная оценка ситуации приобрела активно-негативную окраску и характеризовалась переживаниями “возмущения” и готовностью к протесту, который формируется на этой почве. Типичным для представителей этой модели была апелляция к тому, что ситуацию улучшит “третий Майдан”.

Респондентам этого типа присуща ориентация прежде всего на материальное благополучие. Ключевые переживания связаны с падением жизненного уровня, ключевые надежды — с его улучшением. Отношение к власти ориентировано на практики запугивания (“сажать”, “расстреливать”).

Негативно-позитивное отношение было представлено активно негативным отношением к ситуации, сложившейся в стране накануне Майдана (“булькающий вулкан”), и активным желанием перемен (“огромное желание идти в Европу”). Эта модель отличалась и эмоциональным восприятием Майдана. Если во всех других моделях ключевым переживанием была надежда, то у представителей данной группы в характеристике психологической атмосферы “во время” Майдана преобладали такие состояния, как “вера в победу” и “патриотизм”. Соответственно и “после” Майдана у них сохранился активно-позитивный настрой. Атмосферу в обществе, преобладавшую в тот момент, представители этого типа описывали такими марке-

рами, как “сплоченность”, “объединение людей”, “желание принимать участие в изменениях”, “вера”, “оптимизм”.

Респондентов этого типа отличает ориентация на ценности свободы, демократии. Отношение к власти ориентировано на гражданские практики контроля (“появилась возможность общественного контроля над слугами народа”).

Позитивно-негативное отношение было зеркальным отражением предыдущей модели и определялось восприятием Майдана как источника изменений в худшую сторону. Соответственно ключевым переживанием “до Майдана” было активное принятие ситуации (надежды, перспективы, уверенность). “Во время Майдана” доминировали чувства осуждения, неприятия, нерациональности происходящего (“палата № 6 без выхода”). Соответственно “после Майдана” эти респонденты демонстрировали активное неприятие ситуации (настроенность против реформ, злость).

В группе трендов, блокирующих активность, были выделены следующие модели.

Пассивно-негативное отношение характеризуется восприятием Майдана как источника нестабильности. До Майдана эти респонденты воспринимали жизненную ситуацию как сбалансированную (стабильность, работа, достаток). “Во время Майдана” ключевым стало переживание тревоги и непонимание происходящего. “После Майдана” эти эмоциональные переживания трансформировались в состояние пассивного неприятия ситуации, которое эмоционально окрашивалось чувствами пессимизма, растерянности, страха.

Нейтрально-негативное отношение демонстрировало переход от нейтрального восприятия ситуации к ее пассивному неприятию. Характеристика ситуации “до” Майдана имела признаки пассивного приспособления. Респонденты определяли состояние психологической атмосферы такими определениями, как “покой”, “устойчивость”, “безразличие”. Ситуация “после” Майдана воспринималась негативно. От “надежды” и “ожидания положительных изменений” респонденты перешли к пассивному неприятию ситуации, которое характеризовалось состояниями “разочарования и “пессимизма”.

Негативно-нейтральное отношение характеризовало пассивное неприятие ситуации “до” Майдана (“тихое возмущение”) и пассивное принятие ситуации “после” (“терпение”).

Поглощение негативной ситуацией характеризовалось пассивным подчинением внешним обстоятельствам. “До” Майдана наиболее характерным воплощением этой модели было переживание “бесправия”, “безысходности”, “угнетенности”, “отчаяния”. “Во время” Майдана негативные эмоции сменились “надеждой” и “ожиданием перемен”, но “после” Майдана вернулось состояние негативно-пассивного реагирования, что воплощалось в оценках типа “разочарование”, “пессимизм”.

Характерной особенностью респондентов данного типа является превалирование эмоционального диспозиционного компонента над когнитивным, логические доводы в ходе групповой дискуссии использовались для подтверждения эмоций, а не наоборот.

Наряду с четко поляризованными пассивными типами был выявлен также промежуточный тип, характерное отношение которого к ситуации обозначено как негативно-неопределенное. Такие респонденты “до Майдана” демонстрировали активное неприятие ситуации (“недоверие к власти”, “несогласие с политикой выбора пути развития страны”). Вместе с тем надежды, связанные с ожиданием позитивных перемен, не оправдались, и “после” Майдана эта группа демонстрировала пассивное неприятие ситуации (“недоверие к власти”, “разочарование”, “невозможность влиять на ситуацию”, “усталость”, “неуверенность в завтрашнем дне”).

В то же время потенциально этот тип поведенческой готовности мог превратиться в *активно-позитивное* отношение на фоне реальных перемен. Респонденты этого типа в принципе были готовы активно влиять на ситуацию: “*ми вже не спимо. Ми вже в русі, ми не спляча маса, якій було все байдуже. Бо знали, що ти завжди не правий. І куди не підеш — правоти своєї не доведеш. Ми вже починаємо думати, рухатися*”.

На основе проведенного анализа был определен ключевой тренд эмоциональных преобразований для каждой модели и создана общая картина эмоциональных трендов (таб.).

Таблица

Тренды эмоциональных трансформаций

<i>Мобилизирующие</i>	злость — вера — сплоченность
	недоверие — надежда — возмущение
	надежда — неприятие — злость
<i>Потенциально активизирующие</i>	покой — надежда — разочарования
	недоверие — надежда — недоверие
<i>Блокирующие активность</i>	неудовлетворенность — надежда — терпение
	безысходность — надежда — пессимизм
	спокойствие — тревога — растерянность

Теоретически можно было ожидать, что ситуация противостояния и победы будет способствовать распространению эмоциональной цепи, в которой негативное восприятие ситуации посредством борьбы и преодоления препятствий превращается в ощущение единства и ведет к усилению сплоченности. Однако роль интегративного фактора оказалась весьма скромной, в то же время была зафиксирована распространенность в обществе различных дезинтеграционных эмоциональных состояний.

Ключевым эмоциональным настроением в момент исследования стало разочарование, уровень которого был связан с предыдущим типом эмоционального восприятия ситуации: большие надежды корреспондируют с большими разочарованиями. Ключевой оценкой общественной ситуации, по свидетельству респондентов, была неопределенность. Соответственно, вполне ожидаемым стало четко выраженное присутствие у респондентов различного рода страхов. У типов пассивного реагирования страхи были связаны с состояниями апатии, отчаяния, безысходности, уныния. У типов активного реагирования это сдерживало возможную протестную активность. Учитывая достаточную количественную наполненность (всего были

получены оценки от 480 респондентов), логично было предположить, что в основном будут преобладать пассивные модели, но это можно было проверить только путем количественной оценки распространенности зафиксированных трендов.

Прежде чем переходить к количественному этапу, было решено осуществить повторное тестирование выявленных моделей. Поскольку Майдан как знаковое событие уже вышел из сферы актуальных переживаний, во время обсуждений на ФГД респондентов просили охарактеризовать ситуацию в стране, а потом определить, какие переживания, эмоции, ощущения эта ситуация у них порождает. Фактически мы пытались определить, изменяется ли и в каком направлении конфигурация типичных цепочек эмоций. Важно было протестировать и сам набор предварительно выделенных типов. Респондентами выступали участники 21 фокус-групповой дискуссии¹. Оказалось, что ключевой оценкой общественной ситуации остается ее характеристика как неопределенной. Не изменилось и ключевое настроение — разочарование, однако оно переместилось на другую позицию в цепочке. Если в оценке ситуаций “после” Майдана самой распространенной ориентацией на прошлое было разочарование, на настоящее — страх, на будущее — надежда, то теперь надежда для большинства респондентов отошла в прошлое (“... я была готова, что моя жизнь после всех этих событий ухудшится, потому что будут проходить какие-то процессы, которые надо начинать практически с нуля. И они не могут делаться быстро. Но они никак не делаются!”). Ведущей характеристикой дня настоящего стало разочарование (“повна зневіра в людей, зневіра взагалі: невіра в Бога, ні в чого”), а типичным маркером будущего — страх перед неопределенностью (“... саме страшне, що немає впевненості в завтрашньому дні. Не знаєш, що завтра буде йти і там, далі. Люди не бачать своє майбутнє”). Полученные на этом этапе эмпирические данные уверенно подтвердили то, что одним из латентных фреймов, определяющих состояние массового сознания, можно считать фрейм страха и, в частности, страха перед будущим [Злобина, 2015].

В целом подтвердилась устойчивость зафиксированных ранее эмоциональных трендов. Среди мобилизирующих трендов воспроизводится как активно-позитивный, с надеждой в будущее (“... у нас як раз переміні, сподіваємось, що на краще”; “... смысла депрессировать нет. Если есть возможность что-то сделать, то хочется что-то сделать”), так и активно-негативный, который характеризует эмоциональная цепочка разочарования — злость (“... это разочарование, это желание, которое граничит с желанием взять что-то тяжелое в руки и пойти там... заставить людей, в принципе, хоть что-то делать”).

Такая же картина фиксируется и в отношении трендов, блокирующих активность. Воспроизводятся переживания безысходности и апатии (“... как-то плывешь по течению и все”; “хочется як равлик схватись в черепашку і не вилазити в соціум”), а также тревоги и растерянности (“... вот страшно, что от тебя мало зависит. Ты как-то не можешь повлиять на ситуацию”).

¹ Материалы для научного анализа предоставлены исследовательским агентством Umbrella Research. ФГД проводились во всех регионах страны в марте — апреле 2017 года. В каждой ФГД было по 8 участников, мужчины/женщины (50/50), возраст 35–55 лет, доход средний.

При анализе потенциально активизационных состояний удалось зафиксировать новые продолжения эмоциональных цепочек. В частности на фоне разочарования и недоверия появляется ощущение обмана (“... у меня ощущение, что власть цинично и нагло обманывает население”; “... відчуття зради. Тому що не за то ми це все... боролися”). Фактически это служит основой для мобилизации протестной активности на фоне “борьбы за признание” по Хоннету [Honneth, 1995].

В целом на этом этапе исследования было подтверждено, что палитра эмоциональных реакций весьма пестрая и колеблется от активно-агрессивных состояний (“... нет никакой надежды. Всем, кому доверял просто, на кого была надежда... Хочется зайти и реально расстрелять свору эту конченую”) до пассивно-депрессивных переживаний (“... усталость, дискомфорт, жить невозможно, умереть невозможно. Вообще кошмар. Родиться невозможно”). Причем эта картина подтверждается не только на уровне личностных переживаний, но и в оценках респондентами общей психологической атмосферы в обществе, где фиксируются злость (“... можна просто зайти в маршрутку і подивитися, з яким настроєм і в якому одязі люди ходять. Люди злі”) и утрата человечности в межличностных отношениях (“... у нас за последние годы пропала любовь к ближнему. У нас все друг друга ненавидят”). Одним из наиболее опасных трендов является утрата на уровне общества надежды на лучшее (“... и не то, что ты надеешься на лучшее, а кажется, что будет еще хуже. Уверенность в том, что хуже и хуже будет”), что существенно повышает риск роста негативистских настроений и усиливает потенциал протестного поведения.

Однако все зафиксированные в качественном исследовании признаки эмоционального фона общественной жизни, даже если они согласуются с существующими теоретическими моделями, мало что могут дать для оценки реального состояния дел, поскольку остается невыясненным количественное соотношение представленных в эмоциональной палитре переживаний. Поэтому была предпринята попытка дополнить полученные в качественном исследовании результаты материалами всеукраинского репрезентативного опроса.

Следует отметить, что сам процесс фиксации эмоциональных состояний в количественном исследовании непростой и требует дополнительных методических решений, которые еще предстоит наработать. В частности, проведенное нами исследование показало, что индивидуальная рефлексия респондентов в плане определения собственных переживаний демонстрирует существенные расхождения между декларируемым чувством и его дальнейшим описанием и осмыслением. Зачастую в результате анализа рефлексии респондента в отношении выбранного варианта ответа становится понятно, что в действительности речь идет о чем-то другом, чем заявленное им вначале. В количественных исследованиях эмоциональной составляющей невозможно добраться до этих смыслов, поэтому общая палитра чувств выглядит схематично [Злобина, 2016b]. Но поскольку нашему опросу предшествовал качественный этап, предлагаемый респондентам набор позиций уже был предварительно протестирован, что снижало риск искажения смыслов.

В мониторинговом опросе Института социологии НАНУ, проведенном летом 2017 года, респондентам предлагали ответить на вопрос: “Какие на-

строения, чувства, переживания из приведенного ниже перечня точнее всего описывают, по Вашему мнению, психологическую атмосферу в нашем обществе сегодня?”. Подчеркнем, что в фокусе внимания были именно переживания настоящего, а не надежды на будущее.

Перечень альтернатив был сформирован на основе зафиксированных состояний, чтобы в нем были представлены все конечные элементы цепочек эмоций. Активно-негативные тренды отражали эмоциональные состояния возмущения и агрессии. Активно-позитивный тренд был представлен позицией “надежда”. Пассивно-негативные тренды фиксировались в позициях “растерянность”, “безразличие”, “разочарование”, “отчаяние”, “тревога”, “страх”, “беззащитность”. В перечень было добавлено состояние напряженности как использовавшееся прежде респондентами в качестве типичной характеристики общественной ситуации. Введение позиции “желание перемен” осуществлено с целью размежевания разных трендов. Мы предполагали, что такое желание будет коррелировать с разными типами переживаний, что позволит определить различные диспозиции. Общая картина состояния психологической атмосферы дает основания для ряда предположений в плане распространенности выделенных типов эмоционального реагирования на ситуацию (рис.).

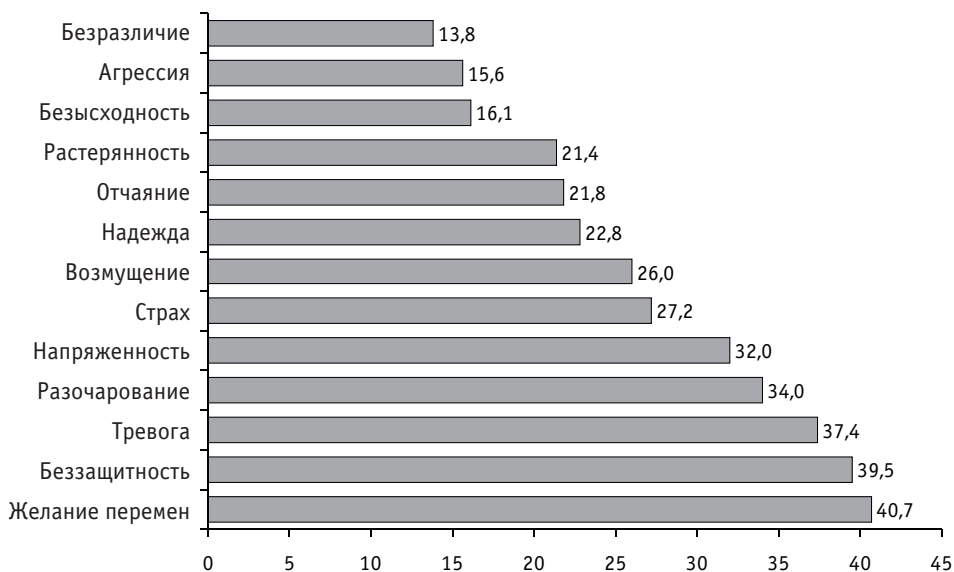

Рис. Оценка современной психологической атмосферы в обществе, 2017, %

Наиболее распространенными оказались эмоциональные переживания, блокирующие активность — беззащитность и тревога. Вместе с тем активно-позитивный тренд, связанный с надеждой, на самом деле не слишком распространен, это чувство считают актуальным признаком психологической атмосферы 22,8%. Подтверждает этот вывод и то, что корреляция с позицией “желание перемен” оказалась хоть и значимой, но не слишком высокой (коэффициент корреляции Пирсона 0,169). Негативные тренды, центрированные вокруг позиции “разочарование”, напротив, доминируют, как и следовало ожидать. При этом разочарование отрицательно коррелирует с

надеждой (коэффициент корреляции Пирсона 0,164), что подтверждает дифференциацию позитивных и негативных трендов.

Подтвердилось также существование независимого активно-негативного тренда, формирующегося вокруг ощущения возмущения. Его фиксация коррелирует с фиксацией позиции “желание перемен” (коэффициент корреляции Пирсона 0,177). Вместе с тем ощущение возмущения дистанцировано от ощущения страха (коэффициент корреляции Пирсона 0,192). Еще одной тенденцией является выделение пассивно-негативного тренда, создаваемого парой переживаний “отчаяние” и “безысходность” (коэффициент корреляции Пирсона 0,122). И наконец, можно констатировать, что сегодня активно-негативный тренд, формирующийся вокруг позиции “агрессивность”, не слишком силен. Это чувство считают характерным всего 15,6% респондентов. Любопытно, что единственная позиция, с которой коррелирует агрессивность, — это безразличие (коэффициент корреляции Пирсона 0,149), что требует дополнительного теоретического осмысления и эмпирической проверки.

В целом количественный этап предоставил нам возможность подтвердить существование выделенных эмоциональных трендов и сделать ряд новых предположений о внутренних связях между ними. Поскольку информация об эмоциональных состояниях, как правило, не является в социологическом контексте предметом самостоятельного интереса, а скорее интересует исследователей как показатель, характеризующий потенциал возможных протестов, полученные данные стоит проанализировать также в контексте оценки населением уровня социальной напряженности, который определялся по 10-балльной шкале (от 1 – ситуация спокойная до 10 – ситуация критическая, взрывоопасная). Оказалось, что наиболее информативным маркером в этом смысле является переживание отчаяния (коэффициент корреляции Пирсона 0,199) и тревоги (коэффициент корреляции Пирсона 0,123). Отчаяние и тревога — это те чувства, которые характеризуют нынешнее состояние напряженности в нашем обществе. И поскольку они относятся к факторам, тормозящим активность, угроза превращения состояния напряженности в действия не является ныне актуальной, что подтверждает и невысокий уровень агрессивности. Это, безусловно, не означает, что агрессивность вообще не является показателем социальной напряженности, но на современном этапе трансформаций это чувство не является таким показателем. Наконец, это позволяет по-иному посмотреть на проблему социальной напряженности в принципе — как на состояние, которое может абсолютно по-разному переживаться населением.

Возвращаясь к исходному тезису Барбалета, согласно которому переживаемую ситуацию можно в определенном смысле рассматривать как аспект самого переживания, можем констатировать, что знание о современном состоянии украинского общества будет неполным и упрощенным без учета эмоциональной составляющей общественной жизни. Если эмоциональные процессы лежат в основе социальных практик, то изучая последние, следует опираться также на знания о коллективных эмоциях. Аналогично динамику общественного мнения нельзя объяснить без изучения эмоциональных процессов, на которых оно основывается. Обращение социологов к эмоциональным индикаторам все еще имеет скорее спорадический характер; эти индикаторы считаются не слишком точными и надежными,

однако без такого обращения исследователь рискует ограничиться грубой схематизацией там, где на самом деле бурлит живая реальность.

Источники

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр. — СПб. : Питер, 2005. — 461 с.

Злобіна О. Емоційна складова суспільних перетворень (на прикладі становлення Майдану) / Олена Злобіна // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. праць. — К. : Ін-т соціології НАНУ : Азбука, 2014. — Вип. 6 (17). — С. 314–326.

Злобіна О. Емоційні стани на перетині кількісного та якісного дослідження / Олена Злобіна // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. праць. — К. : Ін-т соціології НАНУ, 2016b. — Вип. 8 (19). — С. 379–390.

Злобіна О. Соціальні трансформації в емоційному вимірі: від методологічних питань до методичних рішень / О. Злобіна // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. — 2016a. — Вип. 36. — С. 28–35. — (Серія : Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи).

Злобіна О. Фрейд страху як чинник формування ставлення до влади в умовах суспільної кризи / О.Г. Злобіна // Соціальні та політичні конфігурації модерну: динаміка влади в Україні та світі: матеріали IV міжнар. наук.-практ. конф., м.Київ, 3–4 червня 2015 р. — К. : Талком, 2015. — С. 15–22.

Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / Р. Коллинз // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 27–39.

Кутковой Н.А. Понятие эмоций в социальной психологии XXI века: основные подходы [Электронный ресурс] / Н.А. Кутковой, Т.Г. Стефаненко // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7 (33). — Режим доступа : <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/933-kutkovoii33.html>.

Найдынова Л.А. Феномен Майдану: динаміка емоційних станів учасників / Л.А. Найдынова, М.І. Найдынов // Політичний портрет України: Часопис фонду “Демократичні ініціативи”. — 2005. — С. 46–58.

Паніотто В. Чинники щастя і соціальна напруженість [Електронний ресурс]. — 2017. — 24 травня. — Режим доступу : <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=news&id=697&page=3>.

Симонова О. Актуальные тенденции в современной социологии: открытие эмоциональности / Ольга Александровна Симонова // Современная социология — современной России : сб. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. памяти А.О. Крыштановского. — М. : Издат. дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 411–422.

Талер Р. От Homo economicus к Homo sapiens / Ричард Талер // ЛОГОС. — 2014. — № 1(97). — С.142–154.

Тихомирова С.В. Эмоции коллективного субъекта / С.В. Тихомирова // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. — М. : Ин-т психологии РАН, 2011. — С. 308–319.

Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования / М.Ю. Урнов // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 127–140.

Barbalet J.M. Emotion, social theory and social structure: A macrosociological approach / J.M. Barbalet. — Cambridge : Cambridge univ. Press, 1999. — 210 p.

Barrett L. Are emotions natural kinds? / Lisa Feldman Barrett // *Perspectiv of Psychological Sciens.* — 2006. — Vol. 1, Issue 1. — P. 28–58.

Call for Papers the 7th Midterm Conference on Emotions, 2016. [Electronic resource] // European Sociological Association. RN11 — Sociology of Emotions. — Access mode : <http://www.europeansociology.org/research-networks/rn11-sociology-of-emotions.html>.

Cordero R. Performing cultural sociology: A conversation with Jeffrey Alexander / R. Cordero, F. Carballo, J. Ossandyn // *European journal of social theory*. — L., 2008. — Vol. 11, No. 4. — P. 523–542.

Emotion: Theory, research, and experience / R. Plutchik & H. Kelierman (eds.), Vol. 1. — N.Y. : Academic Press, 1980.

Emotions and Social Movements / H. Flam & D. King (eds.). — L. : Routledge, 2005. — 213 p.

Flax J. Disputed Subjects / Flax Jane. — N.Y. : Routledge, 1993. — 188 p.

Goodwin J. The return of the repressed: the fall and rise of emotions in social movement theory / Jeff Goodwin, James M. Jasper, and Francesca Polletta // *Mobilization: An International Journal*. — 2000. — No. 5(1). — P. 65–83.

Griffiths P. Basic Emotions, Complex Emotions, Machiavellian Emotions / Paul E. Griffiths // *Philosophy*. — 2003. — April 15. — P. 39–67.

Handbook of the sociology of emotions / J.E. Stets & J.H. Turner (eds.) — Cambridge : Cambridge univ. Press, 2005. — 657 p.

Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts / A. Honneth. — Cambridge, Massachusetts : Polity Press, 1995. — 209 p.

Izard C.E. The many meanings / aspects of emotion: Definitions, functions, activation, and regulation / Carroll E. Izard // *Emotion Review*. — 2010. — No. 2(4). — P. 363–370.

Jasper J. M. Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research / James M. Jasper // *Annual Review of Sociology*. — 2011. — No. 37. — P. 285–304.

Jasper J. The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements / James M. Jasper. — University of Chicago Press, 1997. — 514 p.

Kemper T.D. A social interactional theory of emotions / Kemper Theodore D. — N.Y. : Wiley, 1978. — 470 p.

Loewenstein G. Emotions in economic theory and economic behavior / George Loewenstein // *American economic review*. — 2000. — Vol. 90, No. 2. — P. 426–432.

Loomes G. Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty / Graham Loomes, Robert Sugden // *Economic Journal*. — 1982. — Vol. 92, No. 368. — P. 805–824.

Wiley N. The Semiotic Self / Norbert Wiley. — Chicago : University of Chicago Press, 1994. — 264 p.

Williamson E. The magic of multiple emotions: an examination of shifts in emotional intensity during the reclaiming movement's recruiting/training events and event reattendance // *Sociological Forum*. — 2011. — Vol. 26, Issue 1. — P. 45–70.

Yang G. Emotions and Movements / Guobin Yang // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / ed. George Ritzer. — Oxford : Blackwell Publishing. — 2007. — Vol. 3. — P. 1389–1392.